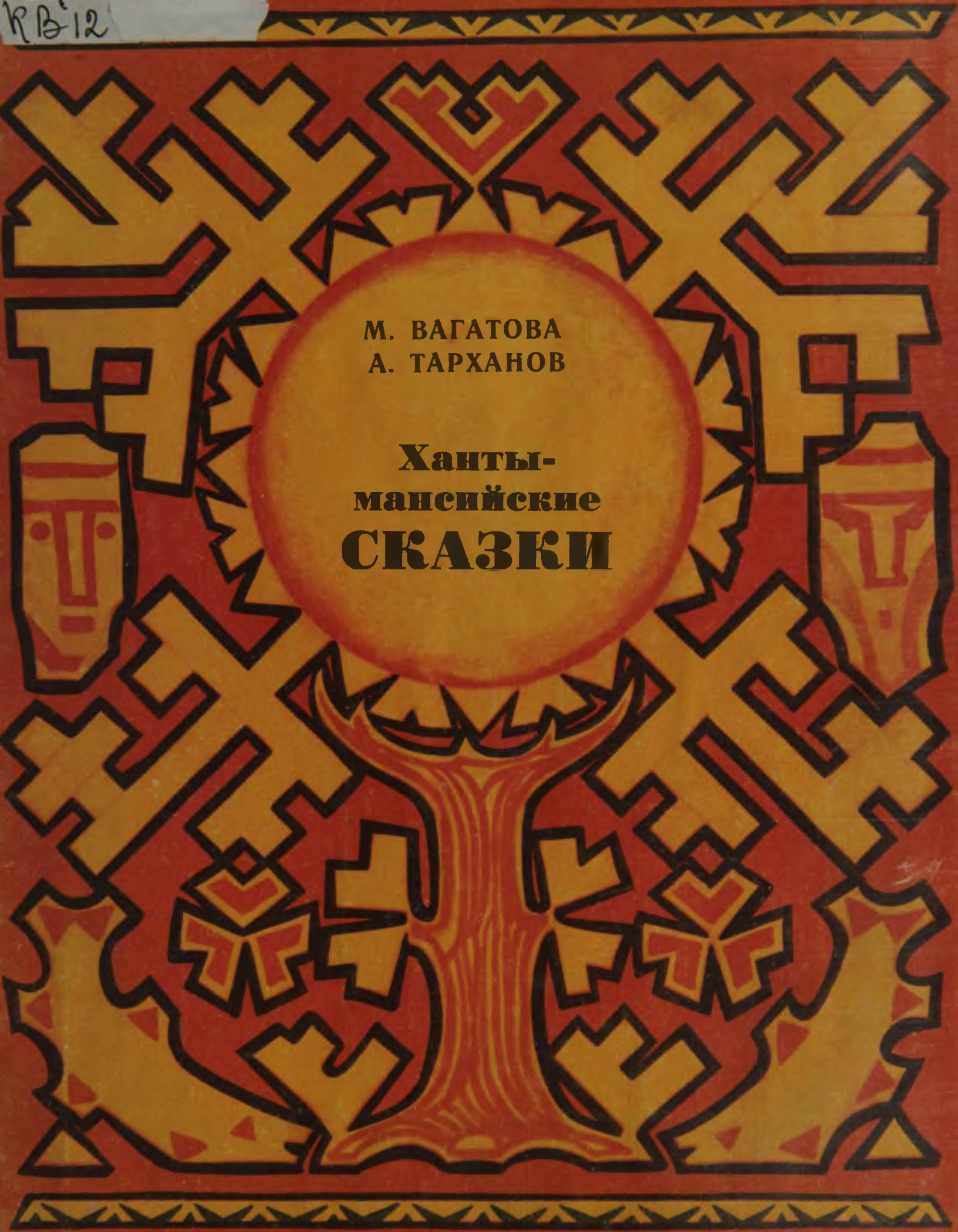

84 (2Рос = X2T) G
КБ-12

М. ВАГАТОВА
А. ТАРХАНОВ

**Ханты-
мансийские
СКАЗКИ**

82.3(2Рос=Хот)
К СХИ
В12

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

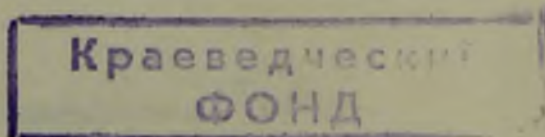
Из далёких времён до наших дней народы ханты и манси донесли сказания и легенды о Солнце, о мире на земле, о честных и трудолюбивых людях. Эти легенды согревали сердца в мрачные дооктябрьские годы, в долгие полярные ночи.

Поэты Мария Вагатова и Андрей Тарханов вдохнули в легенды новую жизнь. Их поэтичные сказы и сказки, словно отблеск далёких времен, идут к людям. Жизнь прекрасна, говорят герои сказов, только надо уметь сделать её такой. Надо, чтобы твоё сердце хотело и могло служить людям; надо беречь мир, ведь все мы живём под одним Солнцем.

Рисунки художника Ф. Божко.

В $\frac{70802-083}{M158(03)-77}$

© Средне-Уральское книжное издательство. 1977

М. ВАГАТОВА, А. ТАРХАНОВ

Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1977

СОРНИ ЛОПЫС

В этом ли конце земли,
в том ли углу земли
жила когда-то Елум Нэнги;
слышала, была она хантыйской женщиной
и вырастила светлому дню
высоких, как лиственницы, семь сыновей,
стройных, как ели, семь сыновей.
Каждый светящийся день
раньше птиц и зверей встают они,
объезжают сорá и озёра,
обходят борá и болота,
режут злому зверю горло
и дикого оленя арканят.
Только Ратпар-хо — сын самый меньший,
только Хышпар-хо — сын самый последний,
ноги сунув в тёплую золу очага,
сидит целыми днями и что-то бормочет.
Или ума у него мало,
или просто непутёвым родился.

* * *

На краю женских нар,
в заветном углу женских нар,
мастерица Елум Нэнги
сидела и расшивала ханши.
День уж вечером становится.
Свету тоже мало стало.
Выходила Елум Нэнги из дому,
выходила Елум Нэнги,
распрямляла руки и ноги.
Вот что случилось однажды.
Или городу не жить?
Или селу не жить?
Вечер снова стал как день,
а такого не случалось

и не бывало за весь век!
На лиственнице, вершина которой
касается неба,
светится золотое сияние — Сорни Лопыс,
посылает свет на землю!
Влезла Елум Нэнги на лиственницу,
Сорни Лопыс на землю сняла.

Когда кончился наступивший день,
когда кончился светивший день,
сыновья Елум Нэнги с тугими поясами,
с полными ношами рыбы и мяса
возвращались с озёр и соров,
возвращались с боров и болот.
Издали они увидели Сорни Лопыс.
Сыновья высотой с молодую лиственницу,
сыновья стройные, как растущие ели,
стали вокруг матери
и заспорили, кому завладеть
чудом — Сорни Лопыс.

Сыновьям гнезда родного
сказала Елум Нэнги вот так:
— Мне плохого вы не делайте
и не спорьте меж собой.
Кто из вас имеет чудо,
кто мудрее в делах, в жизни и в дороге
и лучше других помогает людям —
тому я отдам Сорни Лопыс.

* * *

— Когда мы в пути, в дороге
(если злые люди нас догоняют),
только проведу я рукой по волосам —
лес встанет перед ними,
да такой, что взор и щёлки не отыщет,
ухо не услышит.
Люди с топорами и ножами

в этом лесу и смерть найдут.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
так сказал самый старший сын.

— А если путь продолжим,
а если дорога и дальше пойдёт,
на след наш снова выйдут враги,
стоит только туда-сюда
дунуть мне несколько раз —
появятся луки и стрелы,
сами они победят врагов.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
так сказал следующий сын.

— А путь-то дальше продолжается,
а дорога нас дальше ведёт.
Издавна море с горячей водой
обрывало путь хантов,
преграждало дальнейший путь.
Я сделаю лодку-чудо,
дорогу здесь продолжу.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
так сказал её третий сын.

— А путь мы дальше продолжим,
а дела нужно дальше делать.
Высотой в пять саженей дом построю,
шириною в шесть саженей дом построю.
Мать, мне отдай Сорни Лопыс! —
так сказал ей четвёртый сын.

— А путь-то продолжается,
а дорога дальше идёт.
Может, рыбы не будет у хантов,
может, муки не будет у хантов.
Я для них поставлю стол,
Всякая еда будет там.
Мать, мне отдай Сорни Лопыс! —
так сказал ей пятый сын.

— А путь не кончается,
а дорога дальше продолжается.
Пусть тёмная ночь наступит для хантов,
пусть глаза не видят, уши не слышат.
А я для них зажгу все звёзды,
будет светло ночью как днём.
Мать, отдай мне Сорни Лопыс! —
так сказал ей сын шестой.

— А ты, Ратпар-хо, малый мой сын,
ты, Хышпар-хо, милый мой сын,
имеешь ли ты крылатые мысли,
сможешь ли ты помочь людям?

— Земля имеет семь углов,
живут здесь люди на семь ладов.
Будут жить они все одинаково,
люди семи углов земли,
будут жить думой одной,
потому что светит Солнце нам одно.
Пьём мы воду тоже одну,
дышим воздухом одним.
Сорни Лопыс надо отнести на лиственницу:
не для одного человека нужны
его свет и тепло.
Пусть оно пылает там,
пусть текут его свет и тепло
ко всем людям семи углов земли,
призывают их сердца к одному очагу.

Елум Нэнги, выслушав речь сына младшего,
сказала сыновьям такие слова:

— Услышала я мудрость и много чудес,
хочу, чтобы все они служили людям,
чтобы наши бедные и измученные ханты
увидели и почувствовали силу чудес.
А Сорни Лопыс тогда и вам тоже будет светить.
Не трогайте Сорни Лопыс,

держитесь думы одной,
встаньте на путь один —
ваши чудеса и вашу мудрость
когда-нибудь люди увидят своими глазами.

* * *

Сыновья Елум Нэнги
как будто крылья имеют:
мы не успели оглянуться —
улетели они из гнезда.
Долго ли они ходили,
коротко ли они ездили — не знаю я.
Только знаю: я живу
в древней сказочной мечте.
Земля моя берёт Солнца жар,
живут на ней разные люди.
Все семь чудес семерых братьев —
это теперь не сказка.
Не только в сказке жили враги,
видишь, и сейчас, разинув пасть,
жаждут они кровавого пира.
Но мы не боимся жадных воров.
Сывыс — крылатая птица хантыйских сказок —
летает наяву
и, как огненные стрелы,
долетает к звёздам любим.
Пусть враги знают это.
По водам горячего океана,
по льдам холодного океана
огненные лодки плавают —
это тоже чудо жизни.

Ратпар-хо с братьями,
Хышпар-хо с матерью
среди хантов вижу я часто.
Семь чудес и сказки мудрость
вижу в жизни я сейчас.
На сказочной лиственнице —

на земном шаре
наша страна — Сорни Лопыс сияет.
Прав был Ратпар-хо,
прав был Хышпар-хо:
светит всем, и тепло его греет всех,
зовёт всех земных людей жить в мире.

Здесь я сказ закончу.
Может, когда-нибудь и кто-нибудь
вспомнит Елум Нэнги и её сыновей.

ХЛЕБУШКО

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену — Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезёт жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей — и снова в лес. Был он добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Ведь не мужское дело отапливать дом, заготавливать хворост, шить одежду, готовить еду. Она сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Всё умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко — Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила её деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку — и ну тыкать Няние то тут то там, словно шилом. Пытает — испёкся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону повернётся. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась — ей хотелось скорее съесть Няние.

— Ждѣшь-ждѣшь! Пекись скорей! Я есть хочу! — кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивал от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, сердце ещё злее.

— Скоро я тебя съем, Няньлэ! Ты будешь в моём животе! — дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным — Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние — прыг! На столе оказался. Имилэ — к столу, а Няние — на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома. Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покатился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», — подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь поем хлеба?» Но, забыв обо всём и даже о боге, она с руганью потянулась за Няние. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она перебила всю посуду.

Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

— Пурыс, пурыс! Лэвыс, лэвыс! — что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!»

Собаки помчались за Няние. Вот-вот его поймают и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то что их хозяйка — добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал её.

В густом ли лесу, в тёмном ли бору сидел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошёл, не одну речку переехал — сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжёлые, горе глохнет сердце.

«Вот Няние бы пришёл на помощь», — сетовал он. Только подумал — глядь: около него сидит Няние, лица на нём нет. Усталый, истыканный чем-то...

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почётное место у костра. Няние стал весёлым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало ещё добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние — это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки — хлеб не даётся им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

ХИЛЫ И АКИ ЧЁРНОЕ СЕРДЦЕ

На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали её Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умён, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома — он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди семи соров, семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупилась на помощь. Все считали, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли — тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришёл Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то тёплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унёс добычу».

Люди семи соров, семи рек никогда не слышали, не видели такого. Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое принёс этот злой человек, посмевавшийся проверить чужие ловушки. Лицо Хилы стало белым, как кора берёзы, сердце стало дуплистым деревом. Пришёл домой к Има. Ни слова не сказав, лёг на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь прошла. Утром, чуть свет, снова Хилы отправился в путь.

Много ли прошёл, мало ли прошёл, подходит к налимьей ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов — пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», — решил Хилы и отправился домой.

— Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей семи соров и семи рек — ходить росомахой и воровать чужую добычу?

— Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась, но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, — сказала мудрая старуха. — Ты не печалься. Если люди днём не увидят этого человека, то нам помогут луна и звёзды, им всё видно с высоты небес, а ты можешь укрыться около ловушки и покараулить, — советовала Има.

Не стал больше думать Хилы, так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушёл на караул. Кусты постарались укрыть его надёжно, чтобы злой человек не заметил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев нарточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идёт. Луна стала ярче светить, засверкали звёзды, помогая глазам Хилы.

Пришёл злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, наполнил кузов, крепко привязал его к нарточке, направил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы узнал его, ещё когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей семи соров, семи рек. Сидело в нём чёрное сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовёт погреться. Никого не грело его чёрное сердце.

Знали это все.

— Ивлап-аслап! — воскликнул Хилы. — Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведёт тебя чёрное сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в большой ветер, лицо стало чёрным как ночь. Семь раз подбросило его над землёй, семь раз падал на землю, потом ещё вымолвил нечеловеческим голосом по велению своего чёрного сердца:

— Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

— Эта ловушка моя, знают люди семи соров, семи рек, знают небо и земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? — возмутился Хилы.

— Что мне люди семи соров, люди семи рек? Знает бог Торум, — процедил с закрытыми глазами Аки Чёрное Сердце.

— Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришёл Аки Чёрное Сердце с деревянным идолом — божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на неё украшения, платки, платья — преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», — подумал трусливый Аки, увидев разнаряженную «куклу».

Хилы поставил нарточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатила вниз.

Аки подошёл со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

— Ну, давай, Аки, будем решать, чья всё-таки ловушка налимов. Спрашивай своего бога! — обратился Хилы к вору.

Подошёл Аки к своему идолу и взмолился:

— Всё, что имею, отдам тебе, хочешь, ещё тебе сделаю подарок? — Повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. — Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехом и шёлком. Дай знать Хилы, что ловушка налимов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось до боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что услышали люди семи соров, семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеётся Хилы. И собрались в путь.

— А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей нарточкой. Пусть эта женщина разрешит наш спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а нарточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним — нарточка с Има. Над бедным старым Аки Чёрное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди семи соров и семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать чёрное сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

— Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось новое сердце, уже не чёрное, а такое же, как и у людей семи соров, семи рек.

Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей семи соров, семи рек.

И мы с ними живём.

СЫН ЗЕМЛИ

Давным-давно это случилось в краю манси, в краю таёжных рек и озёр. Только старые, поросшие мхом кедры помнят то время.

Солнце было тогда ещё маленьким, как жёлтый утёнок с неокрепшими крыльями. Но светило тепло. И люди были счастливы. Они пасли оленей, ловили рыбу, охотились на зверей и птиц.

Жило Солнце в самом большом и красивом чуме из сосновых жердей и оленьих шкур. Охранял Солнце юный богатырь Матоди. Утром выносил он Солнце из чума и поднимал на высокий кедр. Оживала земля. Цветы распускались на душистых полянах. Выпрыгивали из воды весёлые нельмы и осетры. Радостно скакали в лесу зайцы. И люди спешили на промыслы.

Вечером, когда погасали чувалы, Матоди приносил Солнце в чум. Наступала ночь. С копьём в руках сторожил богатырь Солнце. Острое копьё у Матоди. Разукрашено во все цвета радуги. Освещает темноту северным сиянием. Далеко видит Матоди-богатырь зверя и птицу — всех, кто приближается к стойбищу.

В то давнее время на облаках сидел великий хозяин земли и неба Нуми-Торым. Было у него два сына. Старший — Корс-Торым. Владел он лесами и лугами, реками и озёрами. Младший сын — Кошур-Торым, непослушный и хитрый, правил подземным царством. Всё золото, серебро и алмазы держал он в своих руках.

Однажды Нуми-Торым рассказал сыновьям о Солнце и наказал беречь его.

— Хорошо, — согласился старший сын Корс-Торым. — Никто не тронет Солнце, пока оно в моём царстве.

— Ладно, — сказал хитрый Кошур-Торым. — Только это несправедливо. У вас тепло, а у меня в подземелье холодно.

Не по душе пришлись Корс-Торыму слова младшего брата. Задумался он. Нахмурил соболиные брови. А Нуми-Торым говорит:

— Не горюй, младший сын. Отправляю я сегодня Корс-Торыма к дальним звёздам. Может, он новое Солнце найдёт. Оно и станет твоим.

Не верит этим вестям Кошур-Торым. Но втайне радуется: «Лети, лети скорее к звёздам, старший брат. Буранной тебе дороги».

Замыслил Кошур-Торым злое дело. Созвал он в гости злых духов — менквов, духа Ветра и Дождя, духа Бури и Снега. Долго молчал угрюмый Кошур-Торым, кутаясь в меховую одежду. Наконец сказал:

— В тайге у людей тепло и светло. Хорошо им жить с Солнцем. Трава зеленеет, звери резвятся, птицы поют. А в подземном царстве темно и холодно. Вы должны похитить Солнце и принести его ко мне.

Открылись большие, кованные медью двери — и олени упряжки духов выехали на заснеженные просторы земли. Несутся нарты. Белыми молниями свёркают длинные шесты — хореи.

Темно в тайге и тундре. Не видно лучей Солнца. Спит оно в своём красивом чуме.

Долго метались посланники Кошур-Торыма из края в край по лесам и болотам. Вдруг заметил дух Ветра и Дождя на горизонте тихое цветистое сияние.

«Копьё богатыря светит», — догадался дух.

Помчались упряжки в сторону сияния. Едут-едут, вдруг ночь озарилась. Это Матоди стал поднимать Солнце на высокий кедр.

Только лучи осветили дали, как со всех сторон раздалось завыванье ветра. Закачались, загудели деревья. Ураган налетел на стойбище. Трудно стало дышать богатырю.словно невидимый аркан затягивается на шее. Выпустил Матоди из рук Солнце. Наступила на земле буранная ночь.

— Беда! — загоревали, заметались в отчаянье люди. — Злые духи украли Солнце. Спаси, отец! — умоляют они Нуми-Торыма.

Молчит Нуми-Торым. Крепким сном спит, отдыхает. И Корс-Торым не видит беду людей. Улетел он к далёким звёздам. Ищет новое Солнце.

Подхватил богатыря сильный ветер, закружил, понёс неизвестно куда.

Очнулся Матоди в золотом чуме. Видит: сидит на лисьих мехах толстый человек в богатой малице, улыбается хитро. Узнал Матоди Кошур-Торыма. «Нелегко уйти от него», — думает.

Смотрит, любуется Солнцем младший сын бога. Покоится Солнце в высокой клетке, за решётками серебряными. Вокруг клетки стража стоит. Тоже улыбается.

— Теперь ты мой каюр, — услышал Матоди хихикающий голос Кошур-Торыма. — Станешь верно служить — золотой чум подарю.

Молчит Матоди. Одну думу думает: «Что со стойбищем? Как вернуть людям Солнце?»

Тяжело людям без Солнца.

Выбились из сил олени, отыскивая ягель. В кромешной тьме ставят рыбаки ловушки. В огромных сугробах тонут лыжи охотников — не пройти. Холод и голод хозяйничают в стойбище.

Уже семь суток живёт Матоди в подземелье. В походном снаряжении стоят день и ночь у чума две олени упряжки — ждут. Но не спешит на прогулку Кошур-Торым. Ждёт он красавицу Тую, свою невесту. Родилась Туя на земле. За красоту похитил её Кошур-Торым.

Не любит коварного бога Туя. Сидит она, одинокая, в своём чуме, тоскует о родном доме.

Ждал-ждал Кошур-Торым невесту, уснул. Не спит охрана. Зорко стережёт Солнце. Матоди тоже глаз не смыкает, думает, как на землю вернуться.

Откинулся меховой полог чума, вошла в разноцветной меховой ягушке гибкая ясная девушка. Удивился Матоди: сразу признал он в ней человека земли. «Как она здесь оказалась?» — подумал.

— Пася олэн, мадур! Здравствуй, богатырь! — поздоровалась девушка. — Почему ты в стойбище злых духов, сын земли?

— Похитил меня сын бога. Теперь я каюр его. Жду вот его невесту. На прогулку поедем.

— Я и есть невеста Кошур-Торыма,— с грустью сказала Туя и покачала головой.— Не поеду я с ним. Прокати меня лучше одну... по тундре земли.

— Хорошо,— согласился богатырь.— Но в буран и темень далеко не уедешь.

— Ничего. Воздухом земли хочу подышать,— повеселела Туя.

Села в нарту красавица, взмахнул хореем Матоди. Откинулись кованные медью двери — и полетела оленья упряжка. Снегом, хвоей пахнуло. Земля! Радостью наполнились сердца Туи и Матоди.

С трудом пробирается упряжка среди высоких сугробов. Охапки снега бросает в лицо буран. Туя развеселилась, хохочет.

— Давно,— говорит,— не ездила я на оленях. Давно. С тех пор, как живу в подземелье... Почему ты не убежишь, Матоди, к людям?

— Без Солнца нет мне дороги в стойбище.

— Я постараюсь тебе помочь.— Голос у Туи счастливый, звонкий.— Только увези меня отсюда.

Вернулась Туя к себе, думает: «Как же перехитрить злого Кошура и его стражу?» И решила она объявить свадьбу. Обрадовался Кошур-Торым.

— Хочу на свадьбу цветов,— просит невеста.

Махнул рукой Кошур-Торым. Тотчас усыпали чум Туи цветами: жёлтыми, голубыми, красными и белыми — из золота и драгоценных камней.

— Нет,— покачала головой Туя,— я хочу живых цветов.

Насупился Кошур-Торым. Знает: только на земле растут живые цветы. Но там сейчас буран, ночь. Какие цветы без Солнца?!

— Отпусти со мной Солнце на землю,— говорит Туя.— Оно растопит снега, согреет землю, и вырастут цветы.

— Ладно. Как хочешь, так и будет,— согласился Кошур-Торым. А слугам-менквам наказал: — Отправляйтесь на землю за цветами. Глаз не спускайте с Солнца и Туи.

Открылись кованные медью двери. Оленьи упряжки — целый караван — оказались на буранной земле. Поднял Матоди

Солнце над собой — и стихла метель. Ручьи побежали. Лёд на реках сломался. Зазеленели поляны. Посадил богатырь Солнце на вершину кедра, с Туей пошёл цветы собирать.

Следили-следили злые духи за Туей и Матоди — устали, уморились. Пригретый Солнцем, задремал дух Бури и Снега. Крепко уснул, развалившись на берегу реки, дух Ветра и Дождя.

— Пора уезжать, — шепчет Туя богатырю.

— Копьё, копьё мне надо, — говорит богатырь.

Разбудила Туя слугу-менква, послала в подземелье за копьём.

— Богатырь поохотиться хочет, — говорит.

Получил Матоди своё оружие, обрадовался: «Теперь можно побороться с духами Кошура». Усадил он Тую с Солнцем в нарты — и помчались они к людям. Долго несли их олени.

И вот увидели Туя и Матоди кедровые борá. Уловили запах дыма родного стойбища. Запели от счастья. И не слышат за песней гуденье Бури. Не видят погоню Кошур-Торыма.

Окружил Буран упряжку, слепит снегом оленей. Мечут духи копья.

— Скорее к людям, Туя, они выручат! — крикнул Матоди, соскакивая с нарты.

Как огненная искра сверкает копьё богатыря. Не даёт он духам гнаться за Туей, валит их десятками. Но неравны силы. Со всех сторон нападают Кошуровы слуги. Вязнут ноги в снегу. Слабеют руки. Глаза ничего не видят в вихре снега.

И упал Матоди, сражённый копьями духов.

Выскочили навстречу Туе зайцы и росوماхи, соболи и лисицы. Бегут рядом с нартами, помогают оленям. Кричат Туе:

— Мы посланцы Корс-Торыма! Наш добрый бог вернулся к нам. Бросай Солнце в небо, Туя! Пусть светит оно всем!

Но не может Туя ни руки поднять, ни пошевелиться. Будто арканом связал её Ветер.

Увидел эту беду Корс-Торым. Отправил он к Туе птиц. Прилетели орлы, журавли, гуси, лебеди. Подхватили упряжку с Туей, подняли в небо.

Выпустила Туя из рук Солнце. Взмахнуло оно окрепшими крыльями, озарило землю яркими лучами. В страхе убежали духи Кошур-Торыма в подземелье.

С той поры и светит Солнце людям с неба. А Туя стала на земле хранительницей тайги и тундры. Так Корс-Торым пожелал. Не нашёл он второго Солнца. Не нашёл края красивей своего. И решил сам не смыкая глаз охранять Солнце земли от бед.

Доброй феей ходит Туя по лесам и болотам. Радуетя счастьем людей. С любовью и грустью вспоминает верного сына земли — Матоди.

СОДЕРЖАНИЕ

Сорни Лопыс
М. Вагатова
4

Хлебушко
М. Вагатова
14

Хилы и Аки Чёрное Сердце
М. Вагатова
18

Сын земли
А. Тарханов
26

ИБ № 341

Мария Кузьминична Вагатова
Андрей Семенович Тарханов

Ханты-
мансийские
СКАЗКИ

Редактор Н. И. Трубникова. Художественный редактор Я. И. Черников. Технический редактор Н. Н. Зауолкова. Корректоры Л. А. Гупало и Г. М. Смирнова. Сдано в набор 25/1 1977 г. Подписано в печать 24/X 1977 г. Бумага офсетная № 1. Формат 70×90¹/₁₆. Уч.-изд. л. 2,3. Усл. печ. л. 2,6. Тираж 100 000. Заказ 100. Цена 20 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

75742004
Окружная библиотека

20 коп.

СВЕРДЛОВСК, СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1977